

въ томъ случаѣ, когда обыкновенное благоразуміе или степень развитія обманутаго, при осторожности съ его стороны, давали ему возможность уберечься отъ обмана? Французская, англійская и итальянская юриспруденціи признаютъ за обольщеніемъ характеръ обмана, когда посредствомъ обыкновеннаго благоразумія (*prudence ordinaire, common prudence, ordinaria prudentia*) нельзя было избѣгнуть заблужденія (*sic Giuliani, Ist. di d. crim., II, 476*). Это обыкновенное благоразуміе слѣдуетъ понимать не въ видѣ отвлеченнаго типа, а по отношенію къ обольщенному лицу. Необходимо обращать вниманіе на то, могли ли обольщеніе и обманъ ввести въ заблужденіе лицо, несмотря на его спеціальность, званіе и общественное положеніе, и не было ли оно легкомысленно или непредусмотрительно. Если кто-либо самъ содѣйствовалъ причиненію ему вреда, и если успѣхъ обмана слѣдуетъ приписать его неосмотрительности, то уголовная отвѣтственность не должна имѣть мѣста. Такъ рѣшилъ французскій кассационный Судъ (*Chauveau et Hélie, l. c., n. 3482*) по дѣлу женщины, которая ввѣрила драгоценныя вещи золотыхъ дѣлъ мастеру для продажи, а на слѣдующій день другое лицо, дѣйствовавшее по договору съ нею, предлагало значительную сумму за эти вещи; вслѣдствіе чего ювелиръ купилъ оныя за сумму, значительно превышающую настоящую ихъ стоимость. Такимъ же образомъ слѣдуетъ понимать значеніе обмана по дѣйствующему законодательству. Уголовный законъ оказываетъ покровительство гражданамъ противъ насилія и неизбѣжнаго обмана, но не можетъ ихъ защищать отъ ихъ собственной небрежности. Такимъ образомъ, съ одной стороны, объемъ мошенничества не будетъ слишкомъ расширенъ, а съ другой—грубый обманъ не останется безнаказаннымъ, если онъ былъ достаточенъ для обольщенія въ виду индивидуальности обманутаго. Въ обоихъ этихъ случа-